

скажу въ порядкѣ, что упомяну, всю исторію моего вояжа. Описывать подробно плаванія на пароходѣ не стану, потому что я тебѣ уже писалъ объ этомъ, да и почти забылъ все это теперь. Однако, кое-что скажу въ добавленіе уже сказанному. Когда я почувствовалъ кашку и мнѣ стало не въ мочь, я, шатаясь, какъ пьяный, сошелъ въ каюту, и тамъ почувствовалъ такое презрѣніе къ жизни, что извергнулъ на полъ весь мой завтракъ, а затѣмъ, не раздѣваясь, забился въ мою койку, въ которой не то, чтобы спать, а дремалъ часовъ до 2-хъ слѣдующаго дня. Я не ѣлъ сутки, кромѣ того, что меня рвало, — стало быть, въ желудкѣ моемъ чувствовалась пустота страшная. Въ перемежку отъ головокруженія качки, мнѣ хотѣлось ѣсть — и я съѣлъ два ломтя хлѣба, который былъ у меня въ дорожномъ мѣшкѣ. Затѣмъ велѣлъ подать себѣ двѣ порціи ветчины съ горчицею и соусомъ: это меня поправило. Часамъ къ 5 вечера кашка кончилась, и я за ужиномъ страшно жралъ. Пароходъ Владиміръ убранъ великолепно, но удобства никакого, и тѣснота страшная. За столъ въ шубѣ сѣсть нельзя — и тѣсно, и жарко, а положить ее некуда. Я понималъ, какъ корабли набиваютъ неграми — торгующіе этимъ товаромъ. Буфетъ снабженъ гадко. Пива нѣтъ, квасу, кислыхъ щей тоже; былъ лимонадъ газесъ, да и тотъ весь вышелъ на другой же день; вода воняетъ смолою, пить ее не было возможности. Что же пить? вино! Это расчетъ со стороны буфетчика, потому что за бутылку плохого *Chateau landon* онъ бралъ 1 р. 50 к. с. вмѣсто 1 р. 50 к. асс. Разумѣется, я вина не пилъ для утоленія жажды, но съ ветчиною выпилъ рюмку хересу; потомъ, когда началась новая кашка — другую; но на этотъ разъ меня не рвало и почти не тошнило, хотя голова и ходила кругомъ. Я уже писалъ тебѣ, что въ Свиномюнде мы пересѣли на судно, которое буксировалъ рѣчной пароходъ въ Штетинѣ. Тутъ мы вытерпѣли порядочную боковую кашку, но никого не рвало, и я могъ даже ѣсть. Вмѣсто бифштекса, котораго я спросилъ, мнѣ подали небольшой кусокъ битой говядины, въ которомъ вкусу не было ни капли, а перцу было пропасть; отъ этого кушанья меня мучила изжога до той минуты, когда я заснулъ ночью въ Берлинѣ. Въ Свиномюнде деревья давно уже распустились и сирень была въ полномъ цвѣтѣ. Въ Штетинѣ плыли мы часовъ пять; у пристани Побѣдоносцевъ сказалъ мнѣ, что черезъ полчаса пойдетъ въ Берлинъ поѣздъ по желѣзной дорогѣ. Какъ тутъ быть? Опоздать не хочется — оставаться въ Штетинѣ не зачѣмъ, а распорядиться безъ нѣмецкаго языка нельзя. Какой-то дюкій малый, по указанію моего палца, схватилъ чемоданъ и потащилъ его, какъ перышко. Въ тепломъ пальто и шубѣ съ тяжелымъ сакомъ въ рукахъ побѣждалъ я за нимъ, да еще въ гору. Кричу ему *chemin de fer*, онъ что-то рычитъ мнѣ въ отвѣтъ и летитъ дальше. Я изнемогъ, думая, что уже умираю; останавливаясь отдохнуть и видя, какъ я тяжело дышу, взялъ у меня сакъ. Пошли опять и скоро очутились у большого отеля. Швейцаръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ *M-g veut la chambre?* Я ему кое-какъ объяснилъ, что мнѣ нужно. Онъ помогъ мнѣ расплатиться съ носильщикомъ, позвалъ мнѣ извозчика и велѣлъ везти меня на желѣзаную дорогу. Я благодарилъ его чуть не со слезами на глазахъ: вѣдь спасъ, просто спасъ! Пріѣхали на станцію желѣзной дороги. „Вынувши кошелекъ и раскрывъ его, я сказалъ кучеру: *nehmen sie!* Но онъ подвелъ

меня къ окну, гдѣ раздавались билеты, давая знать, что я могу опоздать. Кое-какъ я управился, и потому, что столкнулся съ П. Чемоданъ заклеили и отнесли; наконецъ, я поѣхалъ. Въ Берлинъ прибыли часовъ въ 9 вечера. По выходѣ изъ вагона, я снова пропадаю; но вдругъ слышу обращенный ко мнѣ на чисто русскомъ языкѣ вопросъ, много ли изъ Петербурга прибыли пассажировъ. Это былъ трактирный слуга. Я объяснилъ ему затруднительность моего положенія, и онъ взялся распорядиться. Отыскавъ кого слѣдуетъ, онъ переговорилъ съ нимъ, чтобы мой чемоданъ былъ доставленъ ко мнѣ на квартиру; взявши дрожки, мы отправились съ нимъ на улицу *Behrenstrasse*, № 9, на квартиру Тургенева. Проводникъ мой метался, какъ угорѣлый, бѣгалъ по высокимъ лѣстницамъ, наконецъ, нашелъ. Тургенева не было дома, однако, хозяйка его пустила меня въ его комнату. Когда я далъ проводнику моему талеръ, то онъ чуть не припрыгнулъ до потолка отъ восторга. Ровно черезъ 2 часа пришелъ Тургеневъ; мое внезапное появленіе видимо обрадовало его. Все это меня успокоило, и я почувствовалъ себя въ пристани: со мною была моя нянька. Проживъ въ Берлинѣ довольно скучно три дня, мы рѣшились съѣздить въ Дрезденъ, а оттуда дня на три прогуляться по саксонской Швейцаріи, такъ какъ погода была свѣжая и къ водамъ торопиться было нечего. О Берлинѣ распространяться не буду, городъ довольно скучный, хуже всего въ немъ вода: вонючая, скверная, которою невозможно даже полоскать ротъ, и которую противно умывать. Я, было, принялся за пиво, но скоро увидѣлъ, что надо быть нѣмцемъ, чтобы каждый день пить эту мерзость, и замѣнилъ пиво искусственною сельтерскою водою. Тиргартенъ — огромный садъ, тѣнистый и красивый. Въ то время цвѣли прекрасныя каштановыя деревья.

Вторникъ 13 (25) отправились мы по желѣзной дорогѣ изъ Берлина въ Дрезденъ и переночевали въ Лейпцигѣ. Мнѣ такъ хотѣлось спать, что я не пошелъ смотрѣть на Лейпцигъ, хотя было всего часовъ 9 или 10. Часовъ въ 11 на другой день мы были въ Дрезденѣ. Городъ старый, оригинальный. Пошли ходить; погода была скверная; свѣтло, ясно, но тепла всего было 13 гр. въ тѣни, и при этомъ пронзительно холодный вѣтеръ. Въ тепломъ пальто мнѣ было холодновато. Въ тотъ же вечеръ Тургеневъ утащилъ меня въ оперу; давали Гугенотовъ, пѣла *madame Viardo*...

На другой день погода была прекрасная, мы ѣздили за городъ, и мнѣ было весело. На третій пошли въ галлерею. Т. все поджидалъ М-ме Виардо, на что и сердился; Т. мнѣ представлялъ, что В. знаетъ толкъ въ картинахъ и покажетъ намъ все лучшее, а я говорилъ, что не хочу сводить знакомство, когда не на чемъ объясниться, кромѣ развѣ какъ на пальцахъ; но Т. успокоилъ меня, что я пойду за нимъ и никого знать не буду. Но Виардо упредила насъ; входимъ въ одну залу, они прямо намъ навстрѣчу, и Т. представилъ меня имъ. Но какъ дѣло обошлось однимъ нѣмымъ поклономъ съ обѣихъ сторонъ, я ничего. На другой день опять пошли. Все шло хорошо, какъ вдругъ, уже въ послѣдней залѣ, М-ме Виардо, быстро обратившись ко мнѣ, сказала: лучше ли вы себя чувствуете? Я такъ потерялся, что ничего не понималъ, она повторила, я еще больше смѣшался: тогда она начала говорить по-русски очень смѣшно и сама хохотала. Тутъ я, наконецъ, понялъ, въ чемъ дѣло, и подлѣйшимъ французскимъ языкомъ, какимъ не говорятъ и